

Гаужаева Виктория Александровна

ПОХИЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ КАК СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается история формирования уголовных норм, связанных с похищением человека. Автором произведен комплексный анализ статей советского уголовного законодательства, даны общая характеристика выявленных составов и оценка правоприменительной практики. Выявлены основания формирования рассматриваемых норм – возраст и половая принадлежность похищаемого лица, а также цели совершения обозначенных преступных деяний. В статье иллюстрируется глубокая связь криминальной составляющей жизни общества и социально-экономических факторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 41-45. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

культуре, новым социально-экономическим отношениям, расширяя их информационное поле и мировоззренческие представления, в определенной мере способствовала образованию и просвещению бурятского общества, установлению межнациональных контактов» [7, с. 27].

В целом, миссионерская деятельность Русской Православной Церкви приводила к расширению межнациональных связей и способствовала культурному взаимовлиянию коренных народов и переселенцев, проживающих на территории Забайкальской области.

Список литературы

1. **Арзуманов И. А.** Геополитические тенденции и перспективы трансформации межконфессионального поля Забайкальского региона // *Мировая политика: взгляд из будущего: материалы V Конвента РАМИ*. М.: МГИМО-Университет, 2009.
2. **Бураева О. В.** Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // *Этнографическое обозрение*. М., 2010. № 1.
3. **Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский.** Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб., 1885.
4. **Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).** Ф. 8. Оп. 1.
5. **Епископ Мартиниан.** Забайкальская православная миссия в 1870 году. Иркутск: Библиотека Восточносибирского отдела Императорского русского географического общества, 1871.
6. **Карташева Н. В.** Русское православное миссионерство как явление культуры: на примере деятельности св. Иннокентия (Вениаминова): автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 2000.
7. **Митыпова Г. С.** Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005.
8. **Михайлова В. Т.** Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в. – 1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999.
9. **Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1900 г.** // *Забайкальские епархиальные ведомости*. 1901. № 10.
10. **Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1904 г.** Чита, 1905.
11. **Шишигин Е. С.** Распространение христианства в Якутии. Якутск: Якутполиграфиздат, 1991. 158 с.

FEATURES OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH MISSION WITHIN TRANSBAIKAL TERRITORY AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Volnina Natal'ya Nikolaevna, Ph. D. in Philosophy
Transbaikal State University
nvolnina@yandex.ru

The article reveals the content of the Russian Orthodox Church mission within Transbaikal territory at the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. The author considers and elaborates on those basic directions and aspects of the Orthodox Church mission, which had the greatest impact on the spread of Orthodoxy among the Transbaikal Buryats: the organization and activity of religious missions, missionary camps, the methods, means and ways of local population Christianization, and the results of this activity.

Key words and phrases: Orthodoxy; Church mission; Christianization; Buryats; outlanders; missionary camp.

УДК 343.43

Юридические науки

В статье рассматривается история формирования уголовных норм, связанных с похищением человека. Автором произведен комплексный анализ статей советского уголовного законодательства, даны общая характеристика выявленных составов и оценка правоприменительной практики. Выявлены основания формирования рассматриваемых норм – возраст и половая принадлежность похищаемого лица, а также цели совершения обозначенных преступных деяний. В статье иллюстрируется глубокая связь криминальной составляющей жизни общества и социально-экономических факторов.

Ключевые слова и фразы: похищение человека; историко-правовой анализ; развитие законодательства; выкуп; незаконное лишение свободы; захват; удержание.

Гаужаева Виктория Александровна, к.ю.н.

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России
kristyv_13@mail.ru

ПОХИЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ КАК СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА[©]

В современном мире и в современной правовой системе мы нередко обращаемся к тому, каким образом можно гарантировать со стороны государства уважение и соблюдение основных прав и свобод граждан, прежде всего тех, что закреплены в Конституции РФ. Складывающаяся правоприменительная практика

предполагает особое внимание и переосмысление ключевых моментов реализации конституционного принципа о высшей ценности человека для государства. Можно сколько угодно говорить о глубоких политических и социально-экономических изменениях в стране, но пока обновление законодательства не станет потребностью общества и каждого и эта потребность не приведет к правогарантирующим установлениям в ведомственных нормативно-правовых актах, никакие преобразования не будут иметь прямых последствий в виде формирования правового государства и ответственного гражданского общества в соответствии с международными стандартами в области соблюдения прав человека и гражданина. В своем развитии общество обращается к истокам формирования того или иного института, так как ничего принципиально нового с течением времен не возникает без причины, и эти причины являются основанием прогрессивного развития.

Целью, поставленной автором, является обобщение теории и практики применения норм о похищении людей в ограниченный исторический период.

Похищения людей совершались в рамках десятилетия как до, так и после революции 1917 г., однако носили единичный характер. Уголовно наказуемый характер в то время сохраняло лишь совершение данного деяния в отношении детей. Это, впрочем, совершенно объяснимо. Революционные преобразования в стране вынудили подавляющее большинство богатых людей покинуть территорию страны с тем, чтобы сохранить жизнь себе и своей семье, а обеспеченных – «поделить» с другими имеющееся благосостояние. Несогласные с такой постановкой вопроса были убиты или помещены в места лишения свободы. Рабочий класс и оставшиеся в сельской местности вне установившегося режима крестьяне не имели средств, которые могли бы обусловить их похищение. Группировки, которые могли бы претендовать на организованность, еще не появились, так как революционная составляющая процесса предполагала тотальную вооруженность населения и принадлежность его к какой-либо политической группе.

Одним из первых документов советского времени, который систематизировал правовые нормы, регламентирующие уголовно-правовые отношения, и отрегулировал в общих чертах государственную правовую политику в обозначенной области, были Руководящие начала по уголовному праву 1919 года [10]. Обозначенный нормативно-правовой акт был разбит на 8 разделов, вместе с тем, его нормы не содержали перечня деяний, подлежащих наказанию, и, следовательно, не могли регламентировать ответственность за похищение человека в любой форме.

В 1920 году в значительной степени усилилась работа, связанная с необходимостью принятия нового уголовного кодекса. Кодекс строился на основе обобщения ранее принятых нормативных актов в области уголовного права, а также судебной практики народных судов и революционных трибуналов [2, с. 287-288]. Действующая к тому моменту законодательная база в значительной степени устарела и не отвечала требованиям новых условий жизни общества. Кроме того, не удавалось привести к единообразию судебную практику, в том числе и касающуюся привлечения к ответственности за похищение человека, а в отсутствие единого кодифицированного акта они действовали по своему усмотрению.

В рамках Уголовного кодекса 1922 года [5], первого кодифицированного уголовно-правового акта советского государства, была проведена переработка норм, регламентирующих ответственность за преступления, объектом посягательства которых является личная свобода. Этому в Кодексе было посвящено четыре состава, среди которых «Похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка с корыстной целью, из мести или иных личных видов» (ст. 162). Мотивами преступлений выступали корысть в части получения в незначительном количестве денежных средств или носимых вещей либо использование ребенка для работы или попрошайничества. Вместе с тем, нельзя не заметить, что корыстный характер преступлений отступил на второй план, так как уровень жизни населения был крайне низкий, а после войны и голода в стране насчитывались миллионы беспризорных детей, в числе первостепенных целей обозначалась эффективная организация работы по раскрытию преступлений и розыску преступников [3, с. 103]. Таким образом, первые советские уголовные кодексы не содержали специальных норм, устанавливающих ответственность за похищение человека.

В УК РСФСР 1922 г. не вошла в качестве самостоятельной нормы статья проекта 1921 года, предусматривавшая «насильственное помещение в притон разврата», граничащая с похищением и незаконным лишением свободы, но это деяние частично охватывалось диспозициями других статей Уголовного кодекса – «содержание притонов разврата», «допущение разврата в гостиницах и меблированных комнатах», «принуждение к занятию проституцией» с применением физического или психического насилия и т.д.

В УК РСФСР 1922 г. преступления, направленные против личности, включали в себя: 1. посягательства на жизнь (убийство); 2. посягательства на здоровье (причинение телесных повреждений, насилие над личностью, оставление в опасности); 3. посягательства, связанные с половыми отношениями; 4. иные посягательства на личность и ее достоинство. Таким образом, они не включали в себя преступления против свободы личности. Справедливости ради следует отметить, что проект УК РСФСР 1921 г. включал в себя и иные преступления, не вошедшие в конечное содержание кодекса, например, незаконное лишение свободы, предшественник современной трактовки, частично схожий по составу с похищением человека. Однако не все положения этого проекта нашли закрепление в законе.

Регулирование семейно-брачных отношений было заложено и в сферу охранительных отраслей советского права. Государство, вводя гражданский брак, стремилось к искоренению отживших норм и обычаев, противоречащих принципам светского права. Предполагалось, что сразу после установления новых порядков уйдут в прошлое калым, многоженство, браки малолетних. Изначально, в период первого года действия УК РСФСР 1922 г., санкции за преступления рассматриваемой категории отсутствовали. Практика на местах

достаточно быстро показала, что изживание прежних обычаев, идущих вразрез с государственной политикой, – весьма сложное дело, население не склонно было моментально отказываться от вековых традиций. В 1923 г. в Азербайджанской ССР в качестве отдельных норм начинают выступать общественно опасные деяния, составляющие пережитки родового быта. Направленность этих норм очевидна. В последующем в УК РСФСР статьи этой группы составили новую главу с наименованием «Бытовые преступления» [11], которая специально редактировалась в зависимости от региона. Она была введена постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 16 октября 1924 г. в УК РСФСР 1922 года и содержала нормы, предусматривающие ответственность за целый ряд преступлений, связанных с брачными традициями территорий, где преобладало население, исповедующее ислам. К числу таких территорий законом были отнесены Киргизская (Казахская), Туркестанская, Башкирская и Бурято-Монгольская автономные республики, а также Ойротская, Калмыцкая, Карачаево-Черкесская, Адыгейская и Кабардино-Балкарская автономные области, а к числу преступлений – калым, похищение женщин с целью вступления в брак, многоженство, принуждение женщины к браку и т.д.

УК РСФСР 1926 г. [12] в изначально подготовленной редакции не включал в себя нормы об ответственности за реализацию традиционных брачно-семейных норм, однако в 1928 году в уже действующий кодекс Постановлением ВЦИК РСФСР от 6 апреля 1928 г. [8] были внесены изменения посредством добавления главы X, которая получила наименование «Преступления, составляющие пережитки родового быта» и состояла из двенадцати статей, где большей частью были описаны уже известные его предшественнику составы преступлений. Эта добавленная глава имела территориальные ограничения действия; вместе с тем, перечня территорий, где она бы действовала или, напротив, не действовала, закон не содержал. Она применялась по аналогии с предыдущим кодексом.

Отличие от УК РСФСР 1922 года, в УК РСФСР 1926 года был включен такой квалифицирующий признак, как «лишение свободы способом опасным для жизни и здоровья потерпевшего или сопровождавшимся причинением ему страдания», который ранее выступал в качестве правовой нормы, направленной на защиту свободы личности.

Несмотря на уголовное преследование, в удаленных северных районах России до начала 30-х годов также практиковались некоторые запрещенные брачные традиции и обычаи. Так, в 1932 г. в Аяно-Майском районе Якутии у тунгусского населения врачами были собраны сведения о возрасте вступления в брак. В 13 лет была отдана замуж 1 женщина, в 15 лет – 2, в 16 лет – 5 женщин при общем количестве опрошенных семейств – 70. На Чукотке в 1932 г. также еще существовала практика продажи малолетних девочек в жены [9, д. 46, л. 123 об.].

В условиях развивающегося тоталитарного общества похищение людей стало прерогативой органов государства. Тысячи людей исчезали бесследно в лагерях и подвалах НКВД. В то же время, женское и детское население страны продолжало выступать в качестве объекта насильственно-корыстных посягательств. Их похищали с различными целями: для вовлечения в антиобщественную деятельность, такую как бродяжничество, попрошайничество, занятие проституцией, для присвоения и воспитания, реже – из мести и др.

Сменивший предыдущий нормативно-правовой акт, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [13] не содержал специальной нормы, которая предусматривала бы уголовную ответственность за похищение человека, однако статья 125, сформулированная как «похищение или подмена ребенка», еще в большей степени сузила круг деяний, за которые могла наступить уголовная ответственность. В частности, ответственность за помещение в психиатрическую больницу заведомо здорового человека вернулась в этот нормативно-правовой акт лишь в конце 1980-х годов [14].

Статья 125 УК РСФСР 1960 года предусматривала ответственность за похищение чужого ребенка или подмена ребенка, совершенные с корыстной целью или из иных низменных побуждений, и наказывала за данное преступление лишением свободы на срок до семи лет.

Общественная опасность данного преступления заключалась в том, что оно грубо нарушало родительские права граждан, лишало детей их законных родителей, опекунов и попечителей, а также могло повлечь за собой ненормальное развитие и воспитание ребенка, причинение ему иного вреда.

Примером характерного похищения человека того периода может служить следующий факт. В 1964 году была привлечена к ответственности гражданка М., которая в течение 7 лет вела паразитический образ жизни и похитила в течение 3-х лет 15 детей, вместе с которыми занималась попрошайничеством. Между тем, уголовные дела в течение первых двух лет действия кодекса возбуждены были только по трем фактам похищения [4, с. 13].

В главе одиннадцатой УК РСФСР 1960 года «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» статьей 233 устанавливалась ответственность за похищение женщины с целью вступления с нею в брак. Относительно этой нормы, Пленум Верховного Суда РСФСР в Постановлении № 47 от 19 марта 1969 года, которое ныне утратило силу в связи с появлением Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 06.02.2007 [6], указывал, что «судам следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 233 УК уголовная ответственность за похищение женщины для вступления с ней в брак наступает тогда, когда похищение совершается вопреки воле и желанию женщины» [7].

При этом данное преступление считалось оконченным непосредственно с момента реализации акта похищения, то есть действий по захвату, перемещению и удержанию, независимо от реализации поставленной цели, то есть вступления с ней в брак. Полученное в последующем согласие похищенной женщины на вступление в брак с лицом, осуществившим похищение, либо тем, для которого она похищалась, если это разные лица, не освобождало их от привлечения к уголовной ответственности.

Следует отметить, что такое положение вещей не менялось до недавнего времени; похищения носили единичные случаи, как в отношении детей, так и в отношении женщин.

Анализ источников того периода времени свидетельствует о том, что в отношении детей похищения совершались чаще всего для занятия с их участием попрошайничеством, а в последующем, по мере их роста, для вовлечения их в совершение краж и мошенничества и в иную преступную деятельность. Реже на практике встречались случаи похищения или подмены малолетних детей грудного возраста одинокими женщинами и представителями бездетной семьи для последующего усыновления, а подмена, кроме того, – при наступлении смерти ребенка преступницы в родильном доме.

Необходимость введения нового состава преступления была обусловлена огромным ростом хищений людей в конце 80-х – начале 90-х годов, получив распространение как вид преступной деятельности и даже, в некоторой степени, промысла. Этот период сопровождался процессами консолидации различных областей знаний на международном уровне. Не избежало этой участи и уголовное право. Акценты сдвинулись в область противостояния террористической угрозе, пропорционально этим процессам росли меры ответственности за преступления экстремистской направленности, в особенности в части пересечения интересов различных государств.

Норма была внесена в уголовный закон в 1993 году, вслед за появлением в практике фактов похищения не только детей, но и взрослых с корыстной целью, чаще всего с целью получения выкупа. Она предусматривала ответственность за похищения независимо от того, кто явился потерпевшим, поэтому отдельная норма за похищение ребенка была исключена.

В части же несоответствия по статистике числа совершенных, рассматриваемых нами преступлений и количества лиц, выявленных как их совершивших, можно указать, что это свидетельствует о трудностях, связанных с раскрытием этих деяний [1, с. 30]. Безусловно, причины возникающих трудностей подлежат анализу, но они преодолимы посредством решения, в том числе, и целого ряда обеспечительных задач по изучению содержательной части состава похищения человека и смежных с ним составов, таких как захват заложников, незаконное лишение свободы и т.д., уяснения методик их разграничения по имеющимся в законе признакам, с учетом положений разъяснений Пленумов Верховного Суда. Обозначенные выше составы объединяют дополнительный объект посягательства и неправомерный характер принудительного физического ограничения личной свободы потерпевшего. Однако различий в них значительно больше, в том числе, и в непосредственном объекте посягательства.

Подводя итог проведенному анализу по достижению поставленных целей, можно сделать следующие выводы: уголовная ответственность за похищение человека и смежные с ним составы преступлений существует с древних времен. Завершая исторический обзор теории и практики применения норм ответственности за похищение человека, мы можем привнести коррективы в квалификацию и расследование новых современных форм удержания человека в подневольном состоянии, эксплуатации его труда. Рассматриваемая проблематика несколько не потеряла своей актуальности и практической значимости. В настоящее время норма об ответственности за похищение человека предусмотрена уголовным законодательством большинства стран, независимо от уровня их развития и положения в мировом сообществе. Понятийный аппарат в период советского времени в условиях достаточно активного формирования и подчинения имевшим место условиям и в современном его состоянии не может считаться сформированным окончательно. Более того, текущее состояние проблем борьбы с похищениями людей находится, по нашему мнению, в стадии совершенствования, требует глубокого изучения, оценки наработанного опыта и выработки конструктивных решений по корректировке законодательства в этой сфере.

Список литературы

1. **Алиев Х., Гаджиэменов Б.** Борьба с похищениями людей // Законность. 2000. № 6. С. 30-31.
2. **История советского уголовного права. 1917-1947.** М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1947. 466 с.
3. **Колесников В. Н.** Организация работы уголовного розыска в первые годы советской власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4. Ч. 2. С. 103-105.
4. **Лавров В. П.** Расследование похищения или подмены ребенка / под ред. И. М. Лузгина. М.: ВШ МООП СССР, 1966. 146 с.
5. **О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР:** Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
6. **О признании утратившими силу некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации:** Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5.
7. **О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев:** Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 47 от 19 марта 1969 г. // Сборник постановлений Пленума ВС РСФСР 1961-1977 гг. М.: Юрлит., 1978. 312 с.
8. **Постановление ВЦИК РСФСР от 6 апреля 1928 г.** // СУ РСФСР. 1928. № 65. Ст. 468.
9. **Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ).** Ф. Р-2411. Оп. 1.
10. **Руководящие начала по уголовному праву РСФСР:** Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
11. **Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.:** Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 октября 1924 г. // СУ РСФСР. 1924. № 79.
12. **Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.:** Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
13. **Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.** // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
14. **Указ Президиума ВС РСФСР от 5 января 1988 г.:** офиц. текст // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 2. Ст. 35.

KIDNAPPING AS CRIME ELEMENT IN RUSSIA OF SOVIET PERIOD**Gauzhaeva Viktoriya Aleksandrovna**, Ph. D. in Law*North-Caucasian Institute of Further Training (Branch) of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia
kristyv_13@mail.ru*

The article considers the history of the formation of criminal norms related to kidnapping. The author conducts the comprehensive analysis of the soviet criminal legislation articles, and presents the general characteristics of the identified elements and the estimation of law enforcement practice. The foundations for the formation of the norms under consideration – age and sex of the kidnapped person, and the aims of committing these criminal acts are revealed. The article illustrates the deep connection between the criminal component of society life and social-economic factors.

Key words and phrases: kidnapping; historical and legal analysis; development of legislation; redemption; illegal confinement; seizure; retention.

УДК 902; 903

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению ранневерхнепалеолитических комплексов Братского геоархеологического района. Ранее исследователи прибайкальского палеолита относили индустрии с разной степенью сохранности поверхности изделий к различным эпохам, отстоящим друг от друга на существенные хронологически промежутки. Но на основании найденных аналогий из сопредельных регионов рассматриваемые комплексы можно отнести к одному времени. Результаты работы позволяют выдвинуть гипотезу о существовании в регионе двух хронологических этапов ранней поры верхнего палеолита.

Ключевые слова и фразы: Среднее Приангарье; Братский геоархеологический район; корразия; ранняя пора верхнего палеолита; макаровский пласт.

Глушенко Максим Александрович*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Gromov_1@mail.ru***ДВА ЭТАПА РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
В БРАТСКОМ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОМ РАЙОНЕ[©]**

На современном этапе изучения палеолита Прибайкалья трудность исследования «макаровского пласта» заключается уже в самой постановке проблемы, а точнее – в формулировке понятия. Изначально термин «макаровский пласт» был выделен на основе «совмещения показателей относительной стратиграфии, степени корразии, петрографии и морфологии изделий» [8, с. 41-43], но фактически для отнесения к нему индустрии оказывается достаточным одно только присутствие слабой и средней степеней корразии. Такой подход на практике приводит к смешению пласта с более ранними комплексами, что совершенно излишне растягивает его хронологические рамки и создает пропасть при сравнении «макаровского пласта» с некоррадированными и условно более поздними комплексами. Между тем материалы Братского геоархеологического района демонстрируют принципиально иную картину и позволяют связать между собой слабокоррадированные («макаровский пласт») и некоррадированные группы.

Братский геоархеологический район находится на юге Среднего Приангарья и полностью включает в себя север Братского водохранилища, на побережье которого и были собраны палеолитические коллекции. В результате разделения по степени сохранности поверхности каменных изделий и технико-типологического анализа, весь массив палеолитического материала был поделен на условные группы, среди которых нас интересуют только две. Одна из них включает в себя слабокоррадированные изделия с местонахождений Курчатовский залив, Левобережный Калтук и Мыс Дунайский-3 общим количеством 869 экз. Другая группа содержит только некоррадированные изделия с местонахождений Леоново-1-3 и Кежма-1 в количестве 2508 экз.

Подавляющее количество материала было собрано в экспонированном состоянии, но для коррадированных изделий удалось выполнить стратиграфическую привязку. Находки, обнаруженные в шурфах на всех трех местонахождениях, залегают в 3 и 4 слоях, которые, по мнению археологов [2, с. 95; 6, с. 217], относятся к каргинскому межледниковью. В результате экспериментального радиоуглеродного датирования костных останков из культуровмещающих слоев Курчатовского залива получена дата 40127±2423 (NSKA-(s391)), которая превышает диапазон применимости метода. Стоит заметить, что синхронность палеолитического комплекса Курчатовского залива и костных останков, по которым было проведено датирование, не гарантирована, так как вмещающий находки слой переотложен. Поэтому естественнонаучные данные могут лишь косвенно помочь определению возраста [3, с. 123].